

АННА МИРАЛЬД

Ц

ДРЕВНА-КВАКУШКА
ИЛИ

УМОМ ТОЇ НЕ ПОНЯТЬ

Анна Миральд

**Царевна-Квакушка, или
Умом Топи не понять**

«Издательские решения»

Миральд А.

Царевна-Квакушка, или Умом Топи не понять / А. Миральд —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-694999-7

А вы никогда не задумывались... Почему стрела Ивана-царевича угодила именно в болото? Зачем лягушке, хладнокровной обитательнице болот, понадобился царский венец? И почему именно младший сын царя, последний в очереди к трону, стал её суженым? Может быть, за знакомым фасадом скрывается совсем другая сказка? Сказка о Большой игре «безнадёжного» царевича и совсем непростой квакушки? Сказка, где ставка — трон, а приз — будущее двух государств, которым «умом друг друга не понять»?

ISBN 978-5-00-694999-7

© Миральд А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Царевна-Квакушка, или Умом Топи не понять

Анна Миральд

© Анна Миральд, 2026

ISBN 978-5-0069-4999-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Царевна-Квакушка, или Умом топи не понять

Глава 1

Василиса

– Не хотят по-хорошему? Я на них кикимор с болотниками напущу! Лобаст! Чтобы впредь к моим Топям шагнуть боялись!

Я в ярости швырнула золочёный кубок в стену. Он отскочил с глухим стуком и закатился под стол, за которым сидел, попивая рясковый настой, Кощей Бессмертный. Тот даже бровью не повёл.

– Посмотри! – яростным взмахом руки я указала в окно, за которым простирались мои владения. – Просто посмотри, до чего эти ненасытные утробы мои Топи довели! Раньше здесь пели лягушки, а теперь молчат. Молчат, Кощей! Потому что воду из-под них выкачали, чтобы царь их обнаглевший мог в своей купальне плескаться! Там, где цвели кувшинки, теперь грязь да торчащие коряги. Мои болотные огоньки едва светятся, им нечем питаться! Они бессовестно высасывают последние соки из моей земли! А нам высохшую корку оставляют!

Моя грудь вздымалась, в висках стучало. Я готова была сейчас разнести всё в щепки.

Кощей медленно поднял на меня свой невозмутимый взгляд, полный древнерусской тоски.

– Кикиморы с болотниками, – произнёс он, растягивая слова, – хочешь устроить царю болотный бунт, бессмысленный и беспощадный? Шумно, кровопролитно и абсолютно бесполезно. Ты вырежешь одно его войско – Еремей пришлёт два. У него людей, как сорняков на грядке. Только сам он впереди на белом коне не поскачет, бояр тоже не пошлёт. Что в итоге? Простых ратников меньше станет, а торгашей и воров не убавится. Может быть, твои кикиморы бессмертными за последнюю тысячу лет стали? Или думаешь, что одумаются от твоей ярости и грабить тебя перестанут? Их умом наши Топи не понять, Василиса. Им до твоих душевных терзаний и дела нет. У них логика прямая, как царский тракт. Забрали ресурс – получили богатство.

Его сухой бесстрастный голос вонзил эти слова в моё сердце острее самого острого ножа. Он был прав. Они никогда не поймут нас. Ни меня, ни моих Топей.

– Зато они узнают, каково это – когда за будущее своё страшно!

– Не путай глупость с коварством, – отрезал Кощей. – Они и так знают. Именно поэтому и отнимают – что завтрашнего утра не видят. Победить Еремеево царство силой мы не сможем, её не хватит, а вот поменять правила игры – легко.

Я чуть не задохнулась от возмущения. Вот всегда так! Я ему про корову, он – про молоко.

– И что ты предлагаешь, свергнуть царя? А если на его место хуже придёт? Тот, кто ещё сюда загребуки свои не запускал. Мне опять надо будет вежливо попросить так не делать? Прощаю уже! Мне в ответ посоветовали Топи осушить, им, видите ли, тракт через них хорошо бы проложить! – со злостью стукнула я кулаком по столу.

Кощей наконец-то сдвинулся с места. Подошёл к окну, и его тёмный силуэт заслонил унылый пейзаж.

– Просить – удел слабых, Василиса. Требовать – право сильных. Истинная сила не в том, чтобы запугать, а в том, чтобы заставить себя уважать. Тогда и служить не ты будешь, а тебе.

– Ты только что сказал, что мне его не одолеть!

– Не можешь победить, тогда примкни и возглавь! – отрезал Кощей и на мгновение замолчал. Затем холодно доложил: – Царь Еремей решил, что старому дубу пора падать. Завтра его сыновья пустят стрелы – искать суженых.

– И что с того? – выпалила я, всё ещё кипя. – Пусть ищут.

– А то, что старший сын, помяни моё слово, стрелу в боярский двор пустит. Ему сейчас, чтобы у власти остаться, поддержка знати нужна. Средний – в купеческий, ему власти не видать, старший к ней не подпустит, а деньги всегда в кармане будут. А вот младший Иван... говорят, совсем дурак: интриг не плетёт, сплетен не распускает, казну государеву не потрошит. На дочерей знатных да богатых семей и не смотрит, ни одного просящего в боярский приказ не пристроил... Сидит в своих хоробах, в бирюльки с утра до вечера с подьячими играет. Говорят, совсем у Еремея на него надежды нет. Иван твердит, что Боги знают, кого ему в суженые давать, и на той женится, что стрелу его поймает.

В его голосе прозвучал знакомый мне тон. Тон, которым он обычно предварял что-то гениальное и абсолютно аморальное. До меня начала доходить его циничная и одновременно гениальная идея. Сердце ёкнуло – уже не от ярости, а от внезапно забрезжившей возможности.

– Ты предлагаешь мне... его стрелу поймать? А что мне с таким дураком делать-то?

Он обернулся, и в его давно угасших глазах мелькнула знакомая искра азарта.

– Дурак иль не дурак, а царского рода-племени, доступ в царские палаты имеет, да и супруга его рядом будет... Дальше не мне тебе советы давать – твоему коварству сама Мара позавидовать может.

Я закрыла глаза, всё ещё чувствуя на губах солоноватый привкус собственной ярости, но теперь у неё появилась цель. Ради своих подданных и своей земли я пойду на всё.

– Благодарю, Кощей, за совет, – тихо сказала я, открывая глаза. – Посмотрим, сможет ли его стрела справиться с моей силой.

Мы вышли к Истоку Топей. Я не стала творить сложных ритуалов. Просто протянула руки к дремлющему на поверхности туману, и он, послушный, пополз к моим ногам.

– Слышите? – негромко обратилась я к Топям. – Они жаждут вашего последнего дыханья, последних даров. Так подарите же им меня.

Туман у моих ног взметнулся, закрутился и, словно живой, умчался в сторону Тридевятого царства.

Я стояла, сжав кулаки, и коварная улыбка тронула мои губы.

– Ну что, Кощеюшка, начинаем войну за жизнь? – усмехнулась я. – Как только младший царевич сюда заявится, я его со стрелой и радостью встречу. Заодно и ум его оценю.

– Осторожнее, квакушка, – послышался сзади сухой смешок. – С медведем дружись, а за топор держись.

– Тут я уже учёная. Не бойся, из рук его больше не выпущу, – бросила злорадно в ответ. – Мне есть за что биться, Кощей Трипетович.

Мой верный помощник едва слышно усмехнулся, но знал, я не подведу.

Глава 2

Иван-царевич

Леший бы побрал эту традицию со стреляной невестой! Царя-батюшку с его идеей женить всех и сразу. Невестин смотр, ненасытных и ленивых братцев, что только пировать да казну пустошить умеют. Я отмахнулся от очередной ветки, царапнувшей лицо, и злорадство сменилось раздражением. Ну, Бабуся-Ягуся: «Стрела твоя ни в кого не попадёт, пропадёт в самом глухом лесу». И ведь ни словом не обманула! Хорошо стрела пропала, захочешь найти – не найдёшь. Как теперь её царю предъявлять, что не попал ни в кого? Одно дело криворуким ославиться, другое – растяпой.

Ругаясь на чём свет стоит, я ещё долго продирался сквозь заросли и наконец вышел на полянку с трухлявым пеньком в центре. Ноги с непривычки хождения по бездорожью ныли и без спросу потащили меня к пню. Но пройти желанные пару шагов мне не дали вылезшие из земли корни, через которые я благополучно чуть не растянулся. Следом, словно в насмешку, раздался птичий мат и звериное клацанье за кустами.

– Не трудись, хозяин, пугать, – громко молвил я. – Не злой человек пришёл, а с гостинцами. Баба-Яга учила на твоей полянке их раскладывать, а ты дойти не даёшь.

Я демонстративно залез рукой в котомку и достал большой свёрток с пирогом и сладостями. Крики и шум прекратились, и на поляну вразвалочку вышел сам хозяин леса.

– Ну, здорово, Иван-царевич, – проскрипел Леший. – Чего забыл в моём доме? Погибели ищешь? Так это мы со всем радушием пожалуем. Голодных да злых тут за последнее время больно много стало. Глядишь, подобрют с обеда-то.

Старичок остановился у кромки поляны и, по-хозяйски выпятив грудь, нагло на меня уставился.

– Стрелу свою ищу, дедушка, – спокойно ответил я, не поддавшись на провокацию. – Ты не видел?

Хозяин леса покачал головой, но его взгляд оставался всё таким же пронзительно-подозрительным. И этот взгляд мне не нравился, как и сказанное в мою сторону.

– Жаль. А с чего это в таком большом да богатом лесу голодать начали? – невзначай поинтересовался я, посмотрев на Лешего с прищуром.

Тот скрипуче хмыкнул и брезгливо бросил:

– А то ты сам не знаешь.

От такого ответа я слегка опешил.

– Не знаю. Расскажешь?

– Нет. Плохо дела делаешь, раз во главе сидишь, а под ноги не смотришь. А труд тебе облегчать – не моя забота, – в голосе Лешего чувствовалась не злость, а обида, что меня совсем в ступор ввела. – За гостинец благодарствую, но задерживаться не советую. Твоими пирогами особо не наешься. Яге при встрече привет передавай, да сапоги береги. Сколь дорог пройти придётся, только Макоши¹ ведомо. А они у тебя уже каши просят.

Леший хмыкнул, и лес разразился многоголосым смехом. В душе поднялась досада, но спорить с Хозяином леса в его же доме было неумно. Я молча поклонился и направился дальше в путь.

– За туманом иди, Иванушка-дурачок, – прилетело смешливое мне в спину, и лесной шум стих.

¹ Богиня Судьбы у восточных славян, Великая Пряха судеб.

Гнев за колкость полосонул сердце, но, опустив глаза вниз, я разглядел тонкую струйку низко стелящейся дымки и... свои порванные на носках сапоги. Кровь от стыда прилила к лицу, а злость мгновенно улеглась. Леший прав. То же мне царевич в драной обуви. Хотя мой потрёпанный вид вполне соответствует тому месту, по которому я иду уже второй день: речки пересыхающие, дороги разбитые, избы покосившиеся. Смущали и любопытные взгляды жителей, для которых даже мой простой кафтан богато смотрелся.

Я, конечно, догадывался, что не все наши земли богаты, но чтобы настолько... Шёл я, а сердце ныло пуще ног. В столицу-то нам докладывали, будто в царстве всё гладко да богато. Оказывается, лубочные картинки вместо правды присылали. Ну, черти, погодите, вернусь я в царский терем, не отвертитесь от дыбы.

Стрела... Где же, чёрт побери, эта стрела?

Воздух стал влажным, запахло прелыми листьями и чем-то древним, болотным. Сердце Топей – место, о котором в столице говорят, как о гиблом, полном нечисти. Вот это меня занесло туманом! Я остановился у кромки тихого болота и невольно залюбовался его красотой: переливающейся изумрудом тиной на скользких камнях, странными бело-розовыми цветами, светящимися в сумерках, неторопливыми стрекозами над водной поверхностью.

«Интересно, сейчас меня распекать за драные сапоги водяной вылезет или русалки с кикиморами засмеют?» – мысленно усмехнулся я, стараясь не издавать лишних звуков и не призывать местную нечисть.

Но тут я увидел сидящую недалеко от края трясины на большом листе крупную лягушку. Она смотрела на меня такими насмешливыми глазами, что я аж опешил. А перед ней лежала... моя стрела.

Я не двигался. Даже забыл, как дышать. В голове было только два вопроса: «Лягушка? Боги, да вы шутите! Как я это отцу объясню? Жениться на болотной твари...» Все же ржать будут. Особенно братцы старшие. У них ума на толк нет, а на дурость – целая палата. Хотя мне такое только на руку. Хотя... стоп. Лягушка – это дар Богов! С ней отец с братьями окончательно махнут на меня рукой.

Квакушка терпеливо ждала. А я, мысленно поблагодарив Богов за подношение, вернулся к своей роли Иванушки-дурачка.

Глава 3

Василиса

«А вот и мой суженый», – громко и радостно квакнула я, чтобы услышал гость долгожданный. Получилось: Природа-матушка откликнулась на мой зов, привела.

Подошёл добрый молодец, увидел стрелу – а с ней и меня, квакушу. Так и обомлел, словно невидаль какую узрел. Уста разинул, очи выпучил. Ляпота! Главное – не засмеяться, а то не кваканье, а бульканье выйдет.

Пока царевич-то в себя приходил, я его дотошным взором окинула. Ладный такой, пригожий. Хоть и приятный на первый взгляд, только всё же недруг он, что мою жизнь со своими родственниками портит. Не за тем я тут рассиживаюсь, чтобы всякими любоваться. Надо его к рукам начать прибирать. Вздохнула, попыталась улыбнуться.

То ли молодец не понял, то ли улыбка моя квакушня неприветливая получилась. Мне бы вдругорядь огорчиться, но вместо обиды во мне злорадство проснулось: «Ну что, царевич, возьмёшь в жёны лягушку? Иль стрелу свою бросишь да сбежишь?»

А он стоял, словно пень. Может быть, и впрямь умом не вышел...

– Вот какую красу судьба-Макошь на болоте спрятала, – на лице его досада с недоумением замерли, а потом будто растаяли, сменясь широкой, чуть глуповатой улыбкой. Просветление что ли накатило? Словно что-то важное про себя да про меня надумал. Присел добрый молодец передо мной:

– Лягушка-квакушка, отдай мне стрелу, она суженой моей уготована, – так ласково попросил он, словно с юродивой разговаривал.

Разбежался! Не для этого я туманы по твоему следу пускала.

– Раз твоя стрела в моих лапках, значит, я твоя суженая и есть, – так же ласково ответила я и сделала самые круглые и наивные глаза, на какие была способна в лягушачьем обличье. Пусть думает, что перед ним простушка. Царевич от неожиданности дёрнулся, едва равновесие не потеряв. Интересно, что его так поразило: моя наглость или умение разговаривать?

– Ты речь человеческую знаешь?

Тьфу ты, бестолочь царская. Вдох-выдох. Играй, Василиса, играй!

– Конечно. Да ты не смотри на мой облик, возьми с собой, я тебе пригожусь.

– Чем же? Комаров да мошек от меня отгонять будешь? – подмигнул Иван, а у самого в глазах чёртики так и прыгали. Знать бы, с чего он так рассиялся?

– А чем не помощь? Ты дела делать станешь, а я удобство обеспечу. В твоём доме всегда будет спокойствие да забота! По рукам? – добавила я, вспомнив свою цель.

– Ну раз так, что ж. Видно, Доля² моя такая... болотная. Ей виднее, раз тебя суженой нарекла. Ну что, милая квакушка, пойдёшь со мной в царский терем?

Вот это да! И ни одного дурного слова, к которым я уже мысленно приготовилась. Как-то я наш переговорный процесс по-другому представляла: с уговорами с обеих сторон, с обидами на несправедливость. А тут всё произошло так быстро и неожиданно, что мой заранее подготовленный сценарий с долгими уговорами полетел в тартарары. Пришлось быстро возвращаться в роль жизнерадостной дурочки.

– Ква-а-а! – радостно проквакала я, подпрыгивая на листе кувшинки. – Пойду, милый суженый! Только чего это ты меня в царский терем зовёшь? Неужели служба у тебя там?

² Доля – дочь Макоши, олицетворяла счастливую судьбу и удачу. Изображалась с поднятой правой рукой, символизируя светлые стороны жизни.

– Служба, – усмехнулся Иван, а губы на миг словно от досады поджал. Затем достал из кармана небольшой платок из добротной льняной ткани и мне протянул. – На нём поедешь, если не брезгуешь. Будешь, на плече моём сидеть, виды рассматривать. Ни птицы, ни ветки лесные не обидят.

Осторожно, почти нежно, он меня поднял. Я замерла. Не поднял за лапку, не швырял на уготованное место, а устроил с комфортом. И кто такой не признался, службой отговорился. «Занятный ты, Ванюша, молодец... Оценила я твой ход», – хмуро подумала я, укладываясь поудобнее.

Он тронулся в путь, и я притихла, разглядывая окрестности и обдумывая увиденное. Шёл царевич легко, его уверенный взгляд постоянно скользил по сторонам, а глубокие складки на лбу говорили о том, что он много и долго думает. Мы двигались в сторону царства, и молчание затягивалось.

– А далёко ли до твоего терема, суженый? – осведомилась я, делая вид, что мне просто скучно.

– Не близкая дорога, успеешь даже выспаться, – произнёс он, и я заметила, как глаза царевича на мгновение сузились. Интересно, о чём он думает?

Ладно, первый пристрел мимо.

– Суженый, а в твоём тереме комары водятся? – проквакала я своим самым наивным голоском. – А то без этой вкусности еда для меня пресная.

Иван со смехом фыркнул.

– Боюсь, квакушка, комаров там не водится. Разве что мошки придворные, но они вряд ли вкусные. А ты, я смотрю, разборчивая.

– Я много чего разбираю, – не подумав, выпалила я и тут же спохватилась. – Ква! То есть... разбираюсь в том, что вкусно, а что – не очень.

Иван кивнул и опять в свои мысли погрузился.

– А у вас здесь, в Топях... как-то всё по-настоящему, спокойно, – произнёс Иван неожиданно, когда я от мерности его шага придремать успела. – Светло. Птицы душевно поют.

От удивления мои зелёные щёки аж раздулись до боли. Ни один житель Тридевятого царства никогда не говорил так о Топях. Только как о «гиблом болоте».

– Ага, – с трудом выдавила я. – Только они сейчас не поют, а ругаются. Вон та зябличка жалуется, что опять охотники её гнездо разворотили, что надо новый лес искать или Хозяйке рассказать, чтобы никого больше сюда не пускала.

Иван замер на месте и вперил в меня глупо-удивлённый взгляд.

– Ты понимаешь, что они говорят?

«Я ж Владычица, мне положено их понимать», – мысленно фыркнула я в ответ, но вслух сказала другое:

– Ква! Ну я ж болотная, мы тут все друг друга понимаем! Топи – не Тридевятое царство, наш язык вашим умом не понять. Тут разуместь надо.

– А что Хозяйка сделает с такими охотниками, если они и впрямь ей пожалуются?

«Лешего с лесавками напускает для мер воспитательных», – про себя ответила я.

– Смотря что те натворить успевают. Она у нас строгая, – гордо произнесла я.

– Слышал, но не видел, – задумчиво усмехнулся Иван, и в его глазах интерес загорелся. – Слушай, а ты знаешь, как она выглядит? Говорят, старая да злая, от того что на болоте одинокая. Даже имя из-за этого ото всех скрывает.

Я чуть глаза свои огромные лягушачьи от таких слов не выронила. Правду Кощей сказал, что Иван – дурак. Он не просто дурак, а совсем без царя в голове! Мне, конечно, давно не двадцать лет, но для урождённой чародейки я очень молода! «Старая и злая от одиночества»? Ну-ну, Иванушка! Ждёт тебя большое удивление, а слова свои безумные ты назад уже не воротишь.

– Не слушай, суженый, кривду. Владычице много лет, это правда, но злобы от неё ещё никто не видел. Справедливость она очень любит и честность, – холодно ответила я. – Она – дочь Природы, её и беречь старается. Обидевших матушку, совестливо наказывает.

– Это как? – опешил царевич, а в его глазах плескалось явно не праздное любопытство.

И меня прорвало. Притворство куда-то улетучилось, и я заговорила, чувствуя, как холодеют мои лапы от гнева и обиды.

– А вот как! Когда люди лес не уважают. Брать берут, а почёта не оказывают, долги не возвращают. Деревья рубят без меры для дохода да удобства, а новых не сажают. О своём доме думают, а о лесных обитателях нет. Дубы лесорубы порубили, бельчат без дупла оставили, птиц без гнезда. Из рек носят чистую воду, а обратно грязь льют, – мой голос с каждым словом леденел, лапы от боли за подданных сжались. – Вот за такое и наказывает. В чужой дом с совестью ходить надо да со стыдом, чтобы дел не наворотить.

Под конец моей речи царевич сильно нахмурился, на лбу складка глубокая пролегла. Дурак, а задумался. Значит, не безнадежен суженый мой. Может, человек из него получится.

Иван долго шёл молча, а потом тихо свистнул.

– Ох... и не в загадки тут играть, а законы учить надобно, я погляжу. – Он покачал головой с наигранным удивлением. – Ладно, буду с тобой, квакушка, в слова играть. Глядишь, чему-нибудь и научусь.

Я посмотрела на него долгим взглядом, ища подвох, но в невинном ответном взгляде им и не пахло.

– Конечно, суженый, думаю, скучать нам в твоём дворце не придётся. Разве не моя забота ублажать да развлекать своего наречённого? – вернулась я в свою «глупую» роль.

– Наверное, – усмехнулся он без злорадства. – Только ты готовься: в царском тереме любят посмеяться.

– Не переживай за меня, суженый, – мягко произнесла я, чувствуя напряжение в его руках. – За глупым смехом обида не прячется. Да и как меня обидеть можно, если я существо безмолвное да глупое? – подмигнула царевичу. – Только от мошек тебя защищать и смогу.

Он посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. В его глазах плясали азартные искорки.

– Это ты хорошо придумала. Будешь у меня жить, да пользу приносить. Полезная ты, квакушка.

«Это да, Ванюша. Полезть в ваши дела – это как раз моя цель», – мысленно парировала я.

Нёс царевич на плече свою судьбу и даже не подозревал об этом. Говорят, муж – голова, а жена – шея. Что ж, моему будущему Голове предстоит научиться смотреть в нужную сторону. А я, Шея болотная, ему в этом помогу.

К следующему полудню мы вышли из леса на холм. Вдали показались златоверхие терема Тридевятого царства.

Глава 4

Иван-царевич

Вот и добрались. А квакушка, на удивление, удобная – власти не просит, хочет молчаливой и полезной быть. Хороший исход стрельб вышел. Даже лучше, чем я рассчитывал. Если бы вышло, как задумывалось, то царь-батюшка всё равно бы не отстал, ещё раз стрелу пускать заставил в дальние земли, чтобы подальше от глаз своих меня сплавить. А вон как всё замечательно повернулось: и женюсь, и из терема не выставит. Некуда.

Я приостановился у ворот, чувствуя, как на плече ёрзает квакушка.

– Ну что, суженая моя болотная, готова к новой жизни в царском тереме? Здесь всё, что хочешь, по твоему желанию сделают: хоть пруд выроют, хоть избушку по заказу поставят.

Лягушка повернула ко мне лобастую голову и то ли прищурилась, то ли нахмурилась.

– Готова, суженый. Только вот не поняла: мы с тобой не вместе жить будем? Тебе стыдно за меня? Тогда зачем нёс? Оставил бы на болоте.

Она сказала это с такой обидой, что мне не по себе стало.

– А чего мне стыдиться? С волей Богов не спорят. Да и вон какую знатную суженую они мне подобрали. Ни у кого такой нет. Прямо мне под стать, – разулыбался я, сглаживая досаду. – Ты бы лучше сказала, как величать тебя, а то введу тебя в палаты, а как представить – не знаю.

В ответ раздался тихий, насмешливый голосок:

– Пусть буду Василиса я. Запомнишь?

– А чего ж не запомнить? – опешил я. – Имя вроде не сложное. Я Иван.

– Не царевич, часом? Тот, которого все дурачком зовут?

Я едва не поперхнулся. Вот так наглость! Интересно, как она догадалась?

– Ну, Василиса, может, я и дурачок, зато память у меня хорошая – раз запомнил, уже не забуду.

«И запомнил, и заметил. Говорящая лягушка, которая знает моё прозвище... Что я упустил или где прокололся?»

– Не держи обиду, Иванушка, – ласково боднула меня в щёку лягушка. – Я ж не со зла. Ты сам говорил, что Боги тебе пару под стать подобрали. Может, мы и не блещем умом на людях, зато сердца у нас добрые, да души чистые. Вот и будем жить, никому не мешая, в своё удовольствие. Какая из нас пара загляденье получится!

Я с лёгкой досадой посмотрел на квакушку, но доброта в её глазах смягчила моё раздражение. Выдохнув, только кивнул ей и направился в тронную залу, где меня наверняка с нетерпением ждали.

В предвкушении, как братья загогочат при виде моей зелёной невесты, я переступил порог тронной залы, но царь не дал мне и слова сказать.

– Ну что, Иванушка, – церемонно начал он, а в глазах восторг горел. – Стрела твоя, говорят, в Топи угодила. К Повелительнице той самой, болотной.

Я внутренне напрягся. Вот оно... Сейчас начнётся.

– Какая удача нам всем, – довольный отец развалился на троне, словно делал мне величайшую милость. – По моей царской воле женись на ней.

В зале повисла тишина. Даже братья перестали перешёптываться, а по моей спине пробежал холодок. Его решение перечёркивало все мои планы.

– Женись, – повторил царь с хищным блеском в глазах. – Она там одна правит. Мужа нет. Сядешь с ней на престол – и Топи наши будут. Все богатства, все дары её земли. И нам эти вечные уговоры ни к чему. Возьмём всё разом. Польза царству будет немалая.

В ушах зазвенело. В голове всплыли картины: высохшие речки, покосившиеся избы, усталые лица. И квакушкины слова: «Она – дочь Природы, и её беречь старается».

«Так вот ты какая, „польза царству“... Просто забрать всё». В памяти всплыл гнев моей суженой про дома белок и птиц, про совесть и справедливость. Она права, так нельзя. Если всё забрать сегодня, что на завтра останется? Но пойти против царской воли – значит отправить себя на дыбу.

Я медленно поднял глаза на отца, стараясь не слушать гневное дыхание Василисы.

– Батюшка, – спокойно заговорил я, взвешивая каждое слово. – Тебе правду доложили, стрела моя в Топи попала. Но ты сам знаешь, не дали мне Боги ума власть в руках держать. А Владычица та уже давно правит. Боюсь, она своей властью со мной делиться не станет. Тенью своей назначит, мужем только для статуса.

Царь Еремей фыркнул, махнув рукой.

– Совсем ты Иван – дурак. Тебе главное – жениться. Остальное мы за тебя сделаем. Против нас она не выступит, силёнок не хватит, а перечить начнёт, устраним. Дело-то житейское. Наследников с неё не спросишь. На другой потом женим. Главное – Топи в казну прибрать.

В груди у меня всё похолодело. «Устраним».

Я глотнул воздух, чувствуя, как почва уходит из-под ног. Мой гениальный план с идеальной маскировкой внезапно обернулся игрой с огнём, где ставкой была чья-то жизнь.

– Что ж, батюшка, – выдавил я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Твой план дальновидный. Только Макошь всё по-своему решила, – я повернулся к застывшей на моём плече квакушке. – Вот моя суженая. В её лапах стрела моя была. Я поперёк воли Богов не пойду и тебе не советую.

Царь подскочил на троне. Глаза его гневом запылали, кровью налились. Руки до треска подлокотники сжали.

– Что? Ты, юродивый, мне, царю, грозить будешь?! Богами пугать? Где они и где я! Сказал: женишься на старухе болотной, значит, женишься. А лягушку свою вон в короб стеклянный положи, воды налей, пусть сидит гостей развлекает. Я всё сказал!

Не успел я и звука ответного вымолвить, как в тронном зале такой грохот раздался, что стены дрогнули, а на царя щепки мелкие посыпались. Тот онемел и застыл словно каменный.

У меня язык тоже к небу от неожиданности приклеился. Неужто Боги нас слышат? Или это...? Я подозрительно посмотрел на свою ношу.

Глава 5

Василиса

«Ну, Еремей! Хочешь прибрать мои Топи к своим жадным ручищам? Попробуй. Смотри, как бы твоя казна моими Топями не стала! А то уж больно ты широко рот на чужой каравай раззявил. Придётся тебе узнать, как болезненно проглатывать то, что плохо прожевал». Я подняла глаза на потолок тронного зала и мысленно злорадно улынулась. Напросился Еремей на напоминание, что у него над головой не только золочёные своды, но и небо. И мне оно подчиняется куда лучше, чем ему его же ненасытные бояре.

Первое громкое предупреждение и ошалевшие лица царя и его сыновей потешили мою душу. Правда, не настолько, чтобы поверить в их резкое перевоспитание. Интересно, как Иван на такое представление отреагировал? Быстро убрав с лица мстительное выражение, я перевела «испуганные» глаза на царевича и натолкнулась на слишком прозорливый для дурачка взгляд. Или мне показалось?..

– Что это сейчас произошло, Иванушка? – очень тихо прошептала я, изо всех сил изображая сильное волнение.

Тот едва заметно пожал плечами и тут же вернул своё внимание царю.

– Колдовство в моих палатах? Это ты что ли, юродивый, накликать? – прошипел красный от гнева Еремей.

– Что ты, батюшка. Отродясь у меня не было сил потолки трясти. Думаю, это Макошь недовольна, что ты её дар в короб стеклянный собрался посадить. Не след Богине Судьбы перечить, – и такой наивной дрожью в голосе произнёс Иван, что я в очередной раз поверила в его умственную недалёкость.

Еремей, всё ещё бледный от испуга, выпрямился, пытаясь вернуть себе царственный вид, но страх в его глазах уже сменился ехидным предвкушением.

– Раз уж ты так уповаешь на волю Богов, Иванушка, – произнёс он, и в голосе зазвучала откровенная усмешка, – так и быть, дам им возможность убедить меня, что их воля разумнее моей. С завтрашнего дня всем моим невесткам задания буду давать. Одинаковые, чтобы Боги не гневались. Кто лучше справится, той своему мужу и державу царскую вручать.

Сердце моё ёкнуло, но не от страха, а от азарта. «Наконец-то, условие выставил!»

– А коль твоя... квакушка, – он с презрением кивнул в мою сторону, – окажется хуже боярыни с купчихой... Ты отправись в Топи и женишься на Повелительнице. Такова моя воля.

– А если она справится, царь-батюшка? – с надеждой воскликнул Иван.

– Значит, и впрямь, на то воля Богов, – отрезал недовольный Еремей, а потом не выдержал и зло сплюнул: – Тебе так мужем гадины зелёной и безмолвной быть хочется? Неужто ты настолько на голову слаб? Уйди с глаз моих, дуралей. Первое задание завтра по утру объявлю.

Иван поклонился царю и, покрепче меня прижав, вышел из царских палат.

Я облегчённо выдохнула. Получилось. Царевич не поддался отцовскому шантажу, но что дальше будет, большой вопрос. Не отступится Еремей от идеи женить сына-дурака на той, что его царство озолотить может. Значит, надо так всё повернуть, чтобы выбора у царя не осталось, кроме как Ивана на мне женить.

Нёс меня хмурый суженый долго и молча. Его настроение вполне понятно: выбор-то собой никак не радовал – либо земноводное, хоть и говорящее, либо «старая и злая гримза». Даже немного жаль его стало, но совсем чуточку. Мог бы отказаться от меня, на болоте оставить, а он с собой взял и ещё радовался этому.

По возвращении в покои царевича поселил он меня в хрустальную шкатулку, что на его большом дубовом столе стояла.

– Обживайся, осматривайся, Василиса, я пока переоденусь, – устало произнёс он и вышел.

Я последовала доброму совету и осмотрелась. Везде удивительный порядок и чистота. Ни пылинки, ни соринки. Мебель деревянная, добротная, без изысков. В чистом окне облака видно, значит, живёт высоко. Каждая вещь лежала на своём месте. Бумаги ровной стопочкой, испещрённые мелкими аккуратными пометками на полях, кипенное перо в чернильнице без единого грязного пятна, в углу стола – сброшенные вправо счёты. На верхней полке высокого шкафа стояли в ряд... тавлеи и «Мельница»³?

Вопросов мой суженый вызвал в эту минуту немало. Уж слишком такая обстановка с его дурашливым образом не сочетается. Для чего ему такие умные игры?

Додумать я не успела. Из дальних дверей вышел Иван. В домашних мягких брюках, просторной вышитой рубаше он выглядел по-домашнему просто, но в его взоре и движениях сквозила усталость и озабоченность.

Царевич спокойным, размеренным шагом подошёл к столу, на котором сидела любопытная я, и молча сел на резной деревянный стул. Откинувшись на спинку, Иван закрыл глаза. Я притихла в ожидании и наблюдении. Лицо моего суженого с каждой секундой расслаблялось, дыхание выравнивалось, казалось, он засыпал. Я осторожно скакнула от него, но Иван, услышав звук, тут же открыл глаза.

– Суженый мой, какие скромные у тебя палаты. Ни украшений золотых, ни ткани парчовой, ни ковров восточных. Чего так? – выпалила я вопрос, не дожидаясь начала серьёзного разговора, который буквально отсвечивал в глазах царевича.

Иван усмехнулся и с кривой улыбкой произнёс:

– Зачем они мне? Кого дураку удивлять? Да и пыли от них больно много, а я чихаю с неё неприятно.

– Пыль, да, пренеприятная штука. Даже у нас на болоте её полно. Откуда она берётся? Вода вокруг, а всё равно от этой напасти не избавиться, – сочувственно вздохнула я и тут же хитро спросила: – Смотрю, у тебя на полках игры занятые стоят, премудрые. Научишь?

Иван непонятно с чего дёрнулся, бросил мимолётный взгляд на шкаф и сделал округлившиеся глаза.

– Аааа, это не мои, – лениво отмахнулся он. – Царь-батюшка подьячих гоняет, а они тут у меня прячутся да забавляются.

Царевич надолго замолчал, а его пальцы меж тем бессознательно выбивали сложный ритм по столу. Я же всматривалась в его лицо, ища гримаски обмана, но ничего не находила. Внутри какое-то предчувствие скреблось, что не тот Иван, каким казаться хочет, но доказательств предположению не было. Станный он уж очень.

– Знаешь, квакушка... – выдернул меня из размышлений тихий задумчивый голос суженого, – гром среди ясного неба – это наверняка знак. От Богов... или от кого-то, кто к ним очень близок. Ты как думаешь? – в глубине глаз Иванушки мне почудился явный намёк. Или это чужие стены меня сильно подозрительной делают? Надо быть осторожнее и внимательнее с ним. Слишком много загадок он собой рождает.

Что ответить на вопрос, я не нашлась, а вот невинно похлопать огромными глазками и блеснуть золотой радужкой получилось прекрасно.

³ Тавлеи и «Мельница» – старинные стратегические логические игры на Руси.

Глава 6

«Вот же незадача с царской идеей женить меня на Владычице Топей», – я барабанил пальцами по дубовому столу, пытаясь проанализировать резко изменившиеся обстоятельства.

Мой продуманный план летел ко всем чертям. Вместо уже просчитанной тихой жизни в тени с удобной женой, батюшка решил меня загнать в брак с могущественной и, судя по слухам, старой и злой колдуньей. Но злило даже не это. Я не люблю, когда меня пытаются откровенно использовать, тем более в корыстных и безумных целях. Вот настырный. Даже внезапный грохот не изменил его решения, только отсрочил исход. Интересно, неужто и впрямь Боги вмешались? Судя по «милрой» реакции суженой, она даже если и знает ответ, вряд ли мне его скажет. Да сейчас это и не важно. Надо что-то срочно придумывать.

Мой единственный союзник и потенциальное оружие против замыслов отца сидела передо мной в центре стола и спокойно осматривала новую обстановку.

– Квакушка... Василиса, – обратился я к ней время спустя, изображая подавленное состояние. Опершись локтями о стол, сцепил пальцы, уронил на них голову, как расстроенный ребёнок, и с печалью на неё посмотрел. – Совсем я пропал.

Она перестала изучать комнату и повернула ко мне свои большие, кажущиеся такими наивными, глаза.

– Что случилось, суженый? Грома небесного испугался? – пошутила она.

– Хуже. Ты же слышала, царь-батюшка хочет меня на старухе-Владычице женить! – Я распрямился и ударил кулаком по столу для драматического эффекта. – Зачем мне такая жена? Она же, говорят, старая, злая. Вместо перьев – в перине кости да сучья! Как мне сделать, чтобы она сама от брака отказалась? Ты ведь оттуда, с болот... Может, знаешь, как к ней подойти, чем задобрить? Или, может, у неё есть слабость какая?

Я смотрел на лягушку, стараясь, чтобы в моих глазах читался только страх и глупая надежда. На самом деле я ловил каждую её реакцию. Любое слово о Владычице сейчас на вес золота, ведь гарантии, что получится выполнить все задания отца, у меня не было.

Василиса помолчала, её горло вздулось и сдулось.

– Беда твоя пока до ворот не дошла, а ты уже её испугался. Чего это ты про женитьбу на ней думаешь, когда я – твоя суженая – перед тобой сижу? Или ты решил, что я царские задания не выполню? – В жёлтых глазах квакушки обида затеплилась, щёки раздулись, губы задрожали. – Про Владычицу мою гадости не слушай. Не плохая она, просто не по-вашему на мир смотрит.

– Да легко тебе говорить! Тебя за старого Коцея не выдают! – продолжил я свой спектакль. – Ты хоть знаешь, как она выглядит? Может, у неё борода растёт? Или паутина в ушах?

Я видел, как её лапки непроизвольно сжались, но голос, однако, остался ровным и даже слегка насмешливым.

– Борода... – она квакнула, словно подавилась смехом. – Нет, суженый, бороды у неё нет. Видела я её как-то раз. Статная, строгая. Косы русые, длинные. Глаза тёмные, изумрудные, – она сделала паузу, и мне почудилась в её тоне неподдельная гордость, резко сменившаяся прохладой. – Видная, одним словом.

«А про возраст ни слова не сказала», – мысленно скривился я, но про себя отметил, что описывала квакушка свою повелительницу как-то особо лично.

– Видная... – скептически протянул я. – Я ж не просто так спрашиваю. Риски-то велики. Как ты, такая маленькая, задания батюшкины выполнять собираешься? Он ведь незнамо что может напридумывать, чтобы своей цели добиться. Если что в голову вобьёт, передумать и Боги его не заставят, сама видела. Вдруг провалимся, тогда что? – я снова изобразил панику. – У тебя хоть какие-то таланты есть, кроме как комаров ловить и говорить?

Василиса задумалась на мгновение, а потом мягко заговорила:

– Не доверяешь, суженый мой... Ну да, твоё право. Только я хоть и маленькая, да удаленькая. Мы, болотные, не так просты, как кажемся. К земле ближе, силы природы лучше чувствуем, они нам помогают. Вон как за меня перед царём вступились. Так что мы с тобой всех обязательно удивим, вот увидишь.

Её убедительные слова неожиданно придавали уверенности.

– Ладно уж, уговорила, – вздохнул я, делая вид, что смирился. – Будем делать, как скажешь, – я со вздохом встал и подошёл к окну.

Златоглавые терема в красном закате улаждали взор, голоса придворного люда успокаивали. Все живы-здоровы, проблем больших нет. А вот в голове мелькало одно за одним: «Мы, болотные, не так просты...», «силы природы вступились...», «обязательно удивим». Не знаю, как они, а вот лягушка меня неслабо заинтриговала. Меня всё больше терзали смутные сомнения: кто она такая? Уж слишком пригодна да ласкова. Мне нужны честные ответы. И ничто так не помогает их получить, как неожиданные вопросы.

– А ведь я тут подумал, квакушка, гром-то грянул, едва царь тебя в короб стеклянный захотел посадить. Случайность? Или твоя Владычица за тебя вступилась, как думаешь?

Василиса изумлённо распахнула огромные глаза.

– Что ты, Иванушка! Владычица для нас – что облако большое. Какое ему дело до каждой простой лягушки? У неё своих забот хватает: защитить да накормить. А насчёт грома... – она сделала многозначительную паузу, – ...я ж тебе рассказывала. У нас в Топях как: тронул одного – затронул всех. Нечисть иноземная меня обидит – цапля заступится. Шайтан на русалку зуб кажет – от лобасты по зубам получит. А уж если кто со стороны придёт да начнёт местных в обиду брать, все Топи поднимутся. Наверное, так и случилось у царя. Не за меня гроза пришла, а за всех нас, болотных, чтоб обижать не смели.

«Простая лягушка. Конечно. Как же иначе-то, – язвительно подумал я. – Совсем ты не простая, Василиса. Ты или величайшая моя удача, или самый большой просчёт. Но скучно с тобой точно не будет».

Внешне я облегчённо вздохнул.

«Ладно, верю я тебе, квакушка. Что ж, будем надеяться, твои болотные силы нам помогут. А там... посмотрим».

Глава 7

Василиса

Едва первые лучи зари коснулись стрельчатого окна, я распахнула свои лягушачьи глаза. Непривычно спать в хрустальной шкатулке вместо мягкой перины, но моя цель стоит любых неудобств.

Пока Иван почивал, я допрыгала до подоконника взглянуть на царский двор. Там уже кипела жизнь: слуги бесшумно сновали, намывая дорожки до блеска. Клумбы тут выстроены по линейке, цветы заморские – яркие, красочные, а души в них нет. А у нас – кубышка жёлтая да незабудка болотная, каждая настоящая, удивительная.

Как же тоскливо мне стало по родным местам! Говорят, в Топях грязь и беспорядок. Нет, у нас своя вольная жизнь. Мы не переделываем природу – мы с ней в ладу живём. Трава растёт, где хочет, птицы поют по желанию, а не из клеток. Вода в озёрах чистая, своя, – получше любой заморской. Болотные огоньки светят не хуже царских фонарей, ветер с камышом по ночам перешёптывается, а росянка от лихих зверей оберегает.

Вон внизу садовник в иноземной форме кусты стрижёт под чужую моду. У нас в Топях ива сама знает, как ветви раскидывать, а уж мы подстроимся.

У царя Еремея стены золочёные? Так у нас кувшинки цветут. И то, и другое красиво, только по-разному. Им тут чужие порядки для форсу, а нам, как тесные сапоги, – и носить неудобно, и ногу натирают. Мы своего не стыдимся: шубы из шкурок водяных – тёплые да ноские, мёд дикий – густой и душистый, травы целебные – от ста недугов. Мы не воюем с природой – мы её бережём.

«Нет, не понять им нас своим тридевятым умом, – тяжело вздохнула я. – Оторвались они в погоне за иноземными благами от своих корней, потому и ценности в них уже не видят».

В дверь отведённой мне комнаты раздался вежливый стук. В проёме стоял хмурый Иван.

– Не выспался, суженый? – ласково квакнула я.

– Отлично выспался, – буркнул он, но тёмные круги под глазами кричали об обратном. – Сегодня объявят первое задание. Даже не знаю, что батюшка придумает. В одном точно уверен: ему польза во всём нужна. Поэтому нам придётся наизнанку вывернуться, а твой прок ему доказать. Надо...

Договорить царевич не успел. В дверь постучали, и на пороге возник глашатай, раздвигаясь от собственной важности.

– По указу царя Еремея, к закату сего дня все невестки должны явиться в обеденный зал с хлебом, испечённым своими руками! Да будет явлено искусство и усердие!

Иван замер на секунду, а потом плотно закрыл дверь и стукнул кулаком по стене.

– Хлеб! Вот что он задумал! Знает, что тебе его не испечь! Я сейчас побегу, договорюсь с пекарями, они нам испекут такой каравай, что все ахнут! А ещё лучше...

– Не трудись, суженый, – спокойно прервала я, хотя внутри во мне закипало раздражение. Привычный царский подход: обман, подлог и показуха. – Я справлюсь сама. Твой отец не дурак, его не проведёшь!

Иван круто повернулся ко мне, и в его глазах впервые мелькнула не наигранная, а самая что ни на есть настоящая досада.

– Проведут! Всех проводят! Ты думаешь, боярыня сама свой каравай месить будет? У неё десяток служек для этого есть! Пару раз пальчиком ткнёт для вида и пойдёт в опочивальню. А купчиха золотом пекаря осыплет, чтобы тот за неё всё сделал! Тут даже думать о честности не надо, всё заранее известно. А ты как справишься? – он подошёл совсем близко и, окинув недоверчивым взглядом, развёл руками. – Ты же маленькая, зелёная, и ты... ну, лягушка!

– А ты не смотри на мой облик, – надула я щёки, изображая обиду. – У меня лапки золотые – не только стрелы ловить. И потом, разве можно обманывать царя?

Царевич сжал кулаки, его лицо исказилось от негодования.

– Что ты предлагаешь? Каравай из тины и водорослей? Батюшка такое есть не будет, ему белоснежное печиво с заморскими пряностями и изюмом подавай. Выбросит твой хлеб скотине, а меня отправит к твоей Владычице!

– Не отправит, – попыталась я говорить мягче, но твёрдо. – Мы его удивим. Поверь, у меня есть свои секреты.

– Секреты? – он фыркнул, и в его глазах мелькнуло раздражение. – Какие ещё секреты? Ты ведь даже муку в лапках не удержишь!

Меня начало подмывать ответить резко, но я сдержалась. Это была первая настоящая проверка. Если разругаемся, то даже в полезном браке толку не будет. Каждый на себя одеяло тянуть станет.

– Иванушка, – сказала я, перебираясь поближе к краю подоконника. – Доверься мне хоть раз. Нам заодно действовать надо, а не друг против друга.

Он молча смотрел на меня, но я видела, как в его голове крутились десятки мыслей, подозрений и расчётов. Наконец он тяжело вздохнул, будто смиряясь с неизбежным.

– Ладно. Что ты предлагаешь?

– Отведи меня на самую дальнюю, самую забытую кухню во дворце. Туда, где никто не ходит. И оставь меня там одну до вечера.

– Одну? Чтобы ты устроила потоп или нашествие мух? – усмехнулся он, но в усмешке сквозила горечь.

– Чтобы испекла тот самый хлеб, который станет твоим спасением от навязанной невесты. Ты же мне веришь, суженый? – я сделала свои глаза максимально круглыми и честными.

– Хорошо. Есть у меня одно такое место. Бывшие покои матушкины... Там печь ещё с тех пор стоит. Только её растопить надо. Я сделаю и принесу всё, что тебе для каравая понадобится.

Пока он нёс меня по запутанным коридорам дворца, я чувствовала, как напряжение исходит от него волнами. Царевич не доверял мне, и винить его за это было нельзя – кто бы поверил лягушке, что она может испечь хлеб?

Наконец, Иван отворил скрипучую дубовую дверь, и нас обдало запахом старого дерева и сушёных трав. Кухня встретила нас тишиной и запустением.

– Пока осматривайся, я пока посуду и продукты принесу. Что именно тебе нужно будет? – быстро перечислила я ингредиенты.

– Ржаную муку? Царь не будет...

Я молча и пристально на него посмотрела. Царевич махнул рукой и вышел.

Осмотревшись, я заметила, как пыль кружится в лучах солнца, проникающих через маленькое окошко. В углу стояла огромная печь, покрытая вековой копотью, старый массивный стол, облезлая лавка в углу.

Когда Иван вернулся с припасами, я уже чувствовала, как магия Топей струится во мне. Он молча разложил всё на столе, затопил печь и отошёл к лавке.

– Ну, чудо-квакушка, показывай своё искусство. Я тут побуду.

– Как пожелаешь, – мягко ответила я и незаметно стряхнула с лапок магические споры болотного дремотника. Они смешались с пылью в воздухе, создавая едва уловимую дымку.

Я едва слышно, нараспев, начала напевать колыбельную, вплетая в неё древние слова силы Топей. Мой голос становился всё медленнее и убаюкивающе мягче.

– Скажи, Иван, – завела я тихий, завораживающий разговор, – у вас есть чудодейственные сказки? У нас в Топях есть. Одна, например, про то, как сильного воина его думы ослабили, потому что он из-за них выспаться хорошенько не мог. Он уставший пришёл на болото, в тишине посидеть, сил для новых подвигов набраться, и услышал песню старой жабы. Он

так проникся ею, что не заметил, как уснул. А когда проснулся, почувствовал прилив сил для новой битвы.

Веки Ивана стали тяжелеть. Он пытался встряхнуть головой, но сила древней магии была сильнее его воли. Его взгляд стал стеклянным, упёршись в одну точку на стене.

– Что ты... делаешь... – пробормотал он, и его слова потеряли чёткость.

Он медленно опустился на лавку, его дыхание стало глубоким и ровным. Магия сделала своё дело – теперь он не увидит того, что произойдёт дальше.

«Прости, мой недоверчивый царевич, – мысленно прошептала я, глядя на его спящее лицо. – Но мне нужно выполнить задание царя, не раскрывая своих тайн».

Я спрыгнула со стола и сосредоточилась. Вспомнила запах родной земли, шёпот ветра в камышах, вкус чистой воды. Магия Топей прошла через меня, окутывая мягким зелёным светом. Через мгновение я уже стояла в своём истинном облике Повелительницы Топей.

Теперь можно было приниматься за дело. У меня было всего полдня, чтобы испечь хлеб, который должен был растопить лёд в сердце царя и показать ему силу его родной земли.

Глава 8

Иван-царевич

Меня разбудил душистый, до боли знакомый запах. Пахло горячим домашним хлебом. Я вскочил и помотал головой, пытаюсь прогнать остатки сна. Она была на удивление лёгкой и свежей, словно я отоспался за все предыдущие годы служения царству.

На столе, на льняном рушнике, лежал ровный, румяный каравай. Не пышный боярский каравай с затейливыми косами из теста, а простой, высокий кругляш ржаной, с глубокими трещинками-улыбками на твёрдой, душистой корочке. Единственным украшением был рисунок из белой посыпки сверху – простые волны, будто от лёгкого ветерка по воде. Рядом, местами в мучной пыли, сидела моя квакушка и смотрела на меня самым невинным взглядом.

– Ты... это... как? – только и смог выдать ошарашенный спросонья я.

– Испекла, суженый, – просто ответила она. – Как и обещала.

Я подошёл к столу и недоверчиво уставился на хлеб. Тут должен быть подвох, но где? Может, внутри грязь или тина? Или это вообще обманка? Но нет. Каравай был что ни на есть настоящим и аппетитным.

– Как ты это сделала? – прошептал я, подняв ошалелые глаза на лягушку.

– Лапками своими, Иванушка, – квакнула довольная Василиса. – Всё честь по чести. Всё сама. Можешь нести на царский суд.

Я коротко кивнул, но сразу идти к отцу был не готов. Слишком сильная буря в душе разыгралась. Чтобы взять себя в руки, принялся убирать в кухне и думать о возможных вариантах развития событий в обеденном зале. Ни один из вариантов меня не радовал. Посадив квакушку на плечо и взяв в руки поднос с караваем, я направился в царские палаты. В груди билась тревога. Впервые я не мог просчитать будущее, и от этого мне было страшно.

– Чего ты так печально молчишь, суженый? Каравай мой не удался? – мягко спросила лягушка.

Из моего горла вырвался тяжёлый вздох.

– Боюсь, царь не поверит. Подумает, что я у пекаря городского купил.

– А ты и не заставляй его верить, – прозвучал тихий голосок у моего уха. – Пусть думает, что хочет.

Я в непонимании повернул к ней голову, а она, словно не заметив моего удивления, продолжила:

– У нас в Топях такой хлеб повсеместно едят, – говорила она. – От него сила в руках, ум в голове крепкий, а нервы... как канаты. Потому что мука-то простая, не хитромудрая, от земли родной.

Я задумчиво погладил бочок прикрытого рушником каравая. Вспомнил, как в детстве, до того, как отец начал зазывать заморских пекарей, в царских палатах пекли именно такой хлеб. Простой, но сытный, который не тяготил, и правда, придавал особенных сил.

– Знаешь, Иванушка, – квакнула Василиса, будто прочитав мои мысли, – раньше и в вашем царстве такой хлеб ели. Каждый мужик, каждый воин его силу знал. От него плечи шире становились, а руки – выносливее. Не то что эти ваши белые булки заморские – красивые, душистые, но пустые. Твой-то батюшка, поди, забыл уж, каково это – от земли силы черпать. Забыл, какой вкус простой хлеб имеет. Рожь ведь не для красоты растят, суженый, а для пользы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.